

По-настоящему история региональной журналистики ещё не написана, она ждёт своего исследователя. А нам ждать нельзя. Люди уходят. Уходят поколения редакторов районных газет, благодаря которым во многом сохранилась культура чтения, традиция выписывать местную прессу, интересоваться событиями общественной жизни своего города или района.

Это люди высокой пробы, честные, достойные, преданные профессии. Н. Гринив, Ф.Х. Хабибулина, В. Мельников, Г. Борина, В. Козлов были именно такими... Опыт их жизни поучителен для нас, наших молодых коллег, стремящихся достичь профессиональных высот.

У нас в Союзе множество талантливых, ярких людей, способных не только выполнять свои прямые профессиональные обязанности, но и заниматься общественной работой. Г. Талалаева, Т. Яковлева, И. Мельникова, Л. Войткова, А. Сокольский, В. Симонов, Н. Нагога, Л. Клюева — всех не перечислить.

Работая над книгой, мы в очередной раз поняли и сказали себе: «Союз — это люди, а история Союза журналистов — это судьбы людей, преданных профессии. И потому наш долг рассказать о них, оставить память. Кроме нас никто этого не сделает.

&

Владимир Скоробогатко:

На фото: После долгого служения пролетариату пришлось задуматься о служении капиталу

- Родился в 1952 году в Костромской области. После окончания школы, в 1967 году, принят корреспондентом в газету Сыктывкарского лесопромышленного комплекса «Огни Вычегды».

- Служил на Северном флоте в редакции газеты «Океанская вахта». Работал в республиканской газете «Молодёжь Севера» Коми обкома ВЛКСМ корреспондентом, завотделом, ответственным секретарём.

- Работал в газете «Московская правда» выпускающим редактором, заведующим отделом с 1994 по 2016 год.

- Преподаю в Российском государственном гуманитарном университете с 1997 года.

ЖУРНАЛИСТИКА — ЭТО...

...Это не профессия, это образ жизни. Тривиальная мысль, но очевидная. Потому что сперва это просто сумасшедший распорядок дня, всегдашний куда-то бег, а потом образ мышления, манера поведения и, наверное, особенности психики...

Перестать быть журналистом нельзя — даже если ты в отпуске

«Никогда не дрейфить!»

1 0 в о п р о с о в с а м о м у с е б е

или на пенсии, не у дел. Ты навечно в строю: прогулка по улице, поездка в транспорте, посещение другой страны или просто незнакомой местности заставляют мозг работать над неким «текстом», сопровождающим увиденное, почувствованное... Отрешиться от этого нельзя.

Не дают голове отдыхать и коллеги: влившись однажды в информационный поток, ты уже навсегда в нём. Особенно это страшно сейчас, при непрерывном потоке квазиновостей. Суждение о том, что журналисты формируют картину мира для самих журналистов справедливо вдвойне.

Они вынуждены делать это как бы и за коллег, оценивая и примеряя «на себя» чужую работу, не в силах выплыть из круговорота слов, образов, идей...

Социальные сети с их бесконечным потоком словес и картинок — это настоящая беда журналиста, просто катастрофа. Непрерывно хочется что-то туда написать, что-то там исправить, кому-то что-то вправить...

Это такой страшный социальный аллерген, отбирающий силы, лишаящий душевного покоя. Думаю, что когда-нибудь социальные сети съедят сами себя, потому

что этот «поток сознания» не может нарастать бесконечно.

ПОЧЕМУ ВЫ ПОШЛИ В ЖУРНАЛИСТИКУ?

В журналистику пошел потому, что хотел стать писателем. Не помню, чей пример меня на это вдохновил, может быть, прочитанный «Мартин Иден». Вообще, литературная судьба Джека Лондона произвела на меня в своё время очень сильное впечатление. Не исключаю, что и материальный интерес имел место: хотелось своих денег, чтобы покупать книги. С детства покупаю книги только «на свои».

Я отправился в местную многотиражку «Огни Вычегды», когда мне было лет 13, я учился в седьмом классе. Опубликованная (потом крошечная заметка была посвящена какому-то мероприятию, прошедшему в расположенном рядом с нашим домом клубе. Написал я её своими каракулями в школьной тетради в линейку.

Помню, в маленькой комнатке редакции сидели какие-то мужчины и, кажется, курили. Дело было зимой, они сидели в пальто и в шапках. Очевидно, в редакции опять отключили отопление (такое в по-

сёлке случалось часто). Кто-то из редакционных работников, мельком взглянув в мой текст, отдал тетрадку одному из мужчин и попросил поправить.

Сердце дрогнуло и бешено забило, потому что я не предполагал, что моё сочинение будет доверено какому-то «постороннему» человеку (вполне возможно, это был кто-то из местных поэтов, приходивших в редакцию выпить «красенького» и поболтать с товарищами о поэзии и житье-бытье). Тот с усмешкой взглянул на меня (я продолжал стоять у порога) и наклонился с карандашом над тетрадкой. Я видел, как его рука движется по моим строчкам, что-то вычеркивая и надписывая поверх. Это была попытка, это было физически больно, но так я за несколько минут из обычного пацана-школьника превратился в битого журналиста.

С тех пор я усвоил и держусь нескольких важных правил:

1 Писать всегда на бумаге формата А4. Что и делаю теперь неизменно (если доводится писать ручкой).

2 Ни капли не комплексовать, если тебя сильно правят. Такое

может означать не столько твои проблемы, а, возможно, проблемы редактора: некоторые коллеги так самореализуются.

3 Никогда ни перед кем не дрейфить.

4 Писать в любом настроении и состоянии и не бояться своей писанины. После нескольких вариантов правки текст вполне может приобрести удобоваримый вид.

КОГО ИЗ ГЕРОЕВ СВОИХ МАТЕРИАЛОВ ВЫ ПОМНИТЕ ЛУЧШЕ ВСЕГО?

Часто вспоминаю — по необъяснимым порой ассоциациям — героя одной своей публикации. Это было осенью 1981 года. Я работал ответсекретарём в республиканской молодёжной газете. В ту пору — наверное, вслед за «Комсомольской правдой» — было заведено журналистам «менять профессию» — поработать, сохраняя анонимность, водителем такси, например, продавцом, санитаркой или в каком-нибудь производственном коллективе. Решил отметить в рубрике «Журналист меняет профессию» и я. На строительстве второй очереди Сыктывкарского ЛПК работала бригада Петра Черепихина. Она носила звание комсомольско-молодёжной и славилась высокими показателями. Я подумал, что, поработав с ними, смогу написать настоящий производственный очерк — одолею наконец эту почётную профессиональную высоту. Жили мы с бригадиром Черепихиным в соседних домах. Как-то

вечером, предварительно созволившись, зашел к нему в гости. Он жил с женой, у них был маленький ребёнок. Посидели на кухне, попили чаю и условились, что начну работать в бригаде с понедельника и что Пётр никому из ребят правду про меня не скажет. Вроде обычный молодой рабочий с самым низким, первым разрядом...

Так, в общем, и вышло: Пётр, как и всем, ровным голосом выдавал задания, подгонял в работе, выговаривал за промахи и заминки... Молодым членам бригады отдавалась самая простая и самая тяжёлая работа. Например, уже на второй день бригадир поставил меня в ночную смену принимать на объект бетон.

Было темно, холодно, ветрено. ЗИЛки-самосвалы опрокидывали свои кузова над широким деревянным коробом, а оттуда длинными совковыми лопатами мы грузили раствор на носилки. С ними надо было подняться по шатким мосткам на второй этаж огромного заводского корпуса и, пройдя по дощатому узкому настилу над сияющей пустотой первого этажа, вывалить раствор на бетонные плиты перекрытия. Там его бригадники равняли специальными скребками.

Скоро моя ватная фуфайка под брезентовой спецовкой стала мокрой. Ладони с трудом сжимали ручки тяжелых носилок... А работать надо было быстро, потому что на морозе раствор застывал очень скоро...

Словом, всё обстояло именно так, как и должно: профессия строите-

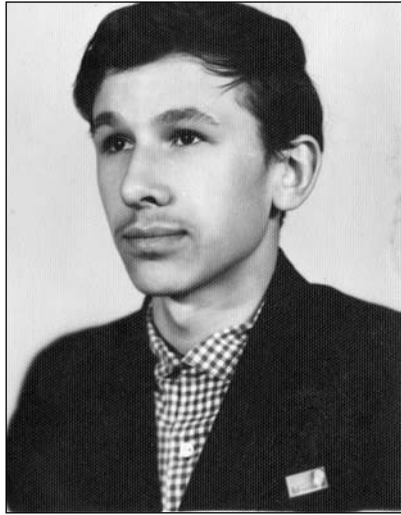
ля и профессия журналиста оказались малопохожими.

«Перекур» случился уже далеко за полночь и оказался не перекуром, а «перепивом». В самом начале смены кто-то из бригадников попросил у меня трёшку. В маете изнурительной гонки с носилками я уже и забыл про эту трёшку, но она, вместе с другими собранными в бригаде трёшками, материализовалась в виде бутылок водки, привезённых водителем бетоновоза. Похоже, был такой бизнес в посёлке — снабжать ночью строителей водкой.

Закуску не помню, помню, что на человека вышло ровно по гранённому стакану. Выпить водку требовалось одним махом, потому что стояли мы на улице, под прожектором, освещавшим деревянный короб со стынущим раствором, и стакан был один.

Конец смены растворился в тумане. Помню только нараставший ужас перед вибрирующими под ногами досками перекрытия над первым этажом будущего цеха (метров 15 примерно). Меня уже качало...

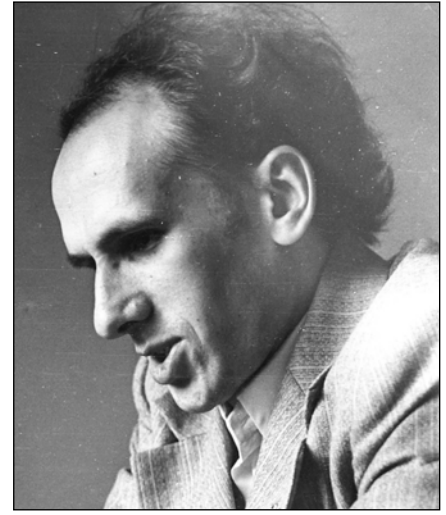
Запомнился ещё один случай из той «командировки». В обеденный перерыв нас позвали в бригадирский вагончик. Оказалось, что пришёл инструктор райкома партии проводить «единый политдень». Молодой парень в пиджаке и галстук тасовал в руках бумажки и не очень уверенным голосом зачитывал из них последние газетные новости про умирающий капитализм и набирающий «темпы роста» социализм...

Примерно таким — с изображением М. Горького на лацкане пиджака — я отправился в журналистику. Здесь мне 15

На флоте, «Океанская вахта». Первый год службы

В «Молодёжи Севера». 24 года

Выглядело это настолько формально-нелепо, что бригадники не скрывали усмешек...

Промучившись несколько дней над очерком, понял, что ничего фанфарного написать про комсомольско-молодёжный коллектив не могу, слишком велика оказалась разница между бодрыми докладами обкома и реальностью. В первую очередь, в бригаде не было дружбы, сплочённости, которая видится за большими успехами. Высокие показатели добывались часто изворотливостью бригадира или вороватостью рабочих. Таскали, например, материалы у соседних бригад, брали «в долг» (без отдачи) арматуру, кирпичи... Бригадир мотался на растворный узел и именем комсомола требовал бетон, и это работало: вся стройка знала, что бригаду поддерживает районное начальство...

Написал позднее нечто иное — заметку «Верните бригаде бригадира» — про мытарства Черепихина в добывании материалов. И опубликовал её в республиканской партийной газете «Красное знамя» под псевдонимом.

Но с бригадиром Петром Черепихиным мы подружились. Ещё пытаюсь одолеть непослушный материал, приходил к нему в гости, выпивали, помню, уже не чай, откровенно разговаривали...

Оказалось, что он сирота, остался за старшего у трёх ещё братьев... Пришлось подростком идти на стройку, вкалывать несколько лет простым рабочим... Нелёгкая судьба, но Пётр не жаловался ни на неё, ни на свою роль «снабженца» на стройке...

Немногословный, спокойный, какой-то весь углублённо-сосредо-

точный, он внушал уважение и доверие...

Интернет, к сожалению, не знает его дальнейшей судьбы.

СЧИТАЮ ЛИ Я СЕБЯ СВОБОДНЫМ ОТ САМОЦЕНЗУРЫ?

Нельзя быть свободным от себя, поэтому нельзя быть свободным от самоцензуры. **Это только выглядит страшно: САМО-ЦЕНЗУРА, но на самом деле это вполне обычное явление.**

Вот, например, мне кажется, что руководители нашего государства не совсем адекватные люди, но у меня нет прямых доказательств этого (медицинских справок), а есть только косвенные. При этом я догадываюсь, что если я на суде в обоснование своей позиции приведу только косвенные доказательства (пусть даже их будет целый мешок), наш самый справед-

Дружеский шарж к публикации на литературной странице. Автора не помню, но он оставил на обороте рисунка замечательный автограф

А от того, другого и третьего — на прогулки. Дальние, долгие, как правило, в одиночестве...

Несколько лет назад, когда мне сделали сложную операцию, я пару месяцев не мог сам ходить... Потом, когда выздоровел, понял одну важную вещь: **возможность самостоятельно передвигаться — это самое большое в жизни благо.** Это счастье ДВИЖЕНИЯ. Именно так наше тело понимает жизнь.

Бывают ли у меня какие-то другие варианты досуга? Да, конечно. Как у всякого взрослого человека. Дружеское общение за накрытым напитками и закусками столом, путешествия, домашнее видео, коллекция живописи...

КАКИЕ ХУЛИГАНСКИЕ ПОСТУПКИ ВЫ СОВЕРШАЛИ В ДЕТСТВЕ ИЛИ ЮНОСТИ?

Мы жили в деревне, и метрах в ста от нашего дома был небольшой пруд. К нему ходили освежиться и покормиться соседские гуси. Стайка примерно в полтора десятка носатых голов...

В отсутствие отца я взял его мелкокалиберное ружьё (оно почти бесшумно стреляло небольшими 5-миллиметровыми пулями, батя брал его на утиную охоту; можно подстрелить нескольких птиц, прежде чем они всполошатся и взлетят), забрал пачку патронов и полез на чердак. Мне было лет 8—9.

Какие у меня были мотивы, не помню, но я взобрался по приставленной лестнице на чердак и расположил с ружьём в окне, из ко-

торого пруд был как на ладони. Думаю, что побуждения у меня были вполне ясные; отец брал меня на охоту, но стрелять по дичи мне не приходилось... Хотелось, видимо, понять, как это — стрелять по настоящей цели...

Я успел выстрелить в сторону водоёма раз или два, и не знаю сейчас, подстрелил ли кого-нибудь (соседи потом никаких претензий не предъявляли), но гуси вдруг — то ли испуганные звуком пуль, то ли кем-то окликнутые — с гогогом бросились к своему дому, а приставленная к чердачной двери лестница вдруг заскрипела и закряхтела.

Я бросился к выходу с чердака и увидел, что по ней тяжело поднимается моя грузная бабушка. Увидев меня над собой, она грозно закричала:

«Оу-ка! (она была украинкой и моё имя у нее звучало как Оука.) Ты что, паршивец, делаешь! Слазь сейчас же! Я вот отцу всё расскажу!»

И вот тут я совершил то, что ни в какое, как теперь думается, сравнение не идёт со стрельбой по домашним уткам. Я схватил винтовку за ствол и замахнулся на влезющую ко мне бабушку. И, видимо, я бы исполнил свою угрозу треснуть её прикладом, потому что бабка переменилась в лице и, чуть не падая, скатилась с лестницы...

Вывод из этой истории покажется вам неожиданным.

Он такой: если вы бабушка и внук замахивается на вас прикладом — значит, вы в чём-то недорабатываете как бабушка. Каждая бабушка

должна светиться добром и участием, должна непрестанно прижимать бедовую головушку внука к своей огромной тёплой груди, всячески баловать, угощать конфетами, вкусными пирожками и т.д.

Словом, хотя бы приблизительно быть такой, как бабушек изображают в добрых сказках. Наша бабушка (у меня ещё два брата) была всегда строгой и имела обыкновение по каждой шалости закладывать нас отцу, а он, особенно когда приезжал с работы выпившим, бывал суров...

И вот представьте — лето, бесконечный весёлый солнечный день, набегаешься, нашалишь чего-нибудь, а вечером бабка садится напротив отца и пока он ест, подробно ему рассказывает, какие мы совершили за день шлоды...

Ничего не пропускала! Спасение было одно: притвориться в своей кровати спящим (наутро отец, как правило, всё забывал). Но даже это не всегда спасало от наказания, и в ход шёл его широкий офицерский ремень... Честно, не помню бабу Лизу в роли сказочной бабушки. Помню только её отведённые в сторону глаза и всегда крепко сжатые губы.

А в юности не хулиганил. В какой-то момент, очевидно, понял, что уличные приключения — это не моё. Много читал, сочинял рассказы и в целом был спокойным мальчиком. Может, и случались в школьные годы какие-нибудь выходы, но в памяти они не остались.

ВАШЕ САМОЕ ЯРКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ?

На седьмом десятке трудно назвать самое яркое воспоминание. В памяти много необыкновенных событий, чувств, драм, происшествий...

Свою роль играет и привычка записывать мысли, впечатления, фиксировать текущие дела... То есть облекать в слова порой не очень значительные события, таким образом придавая им особый смысл... Вводя их как бы в разряд значимых...

Воспоминания слоятся. Как облака: есть те, что совсем близко к земле и они быстро наплывают, заслоняют свет, а потом быстро же исчезают. Есть воспоминания, подобные тяжёлым, свинцовым облакам, закрывающим горизонт надолго и начерно...

Но где-то там, наверху, совсем близко к солнцу, в бесконечной синей выси плывут лёгкие, белые и чаще грустные, чем радостные, воспоминания...

А всего так много, что не хватит никаких журналов.

ВАШИ ЛЮБИМЫЕ: КНИГА, ФИЛЬМ, ПЕСНЯ, БЛЮДО, НАПИТОК?..

Много любимых писателей, и у каждого из них свои замечательные книги (выделить кого-то одного было бы несправедливо по отношению к великому отряду российских и зарубежных авторов), много любимых кинорежиссёров и их фильмов, много грустных и весёлых песен, отзывающихся в сердце.

Вот, например, на днях слушал покойного Евгения Осина и самую его нелепую, самую дворовую и оттого невероятно трогательную историю про девушку в автомате с перепачканным «ей лицом»...

Вот только блюд любимых нет и не было. Жизнь не баловала разносоломи, и я давно уже привык есть то, что дают. Несколько лет в интернате, потом несколько лет службы на флоте — это способно приучить к самой скромной кухне.

Тут вспомнилась одна история. В приморском городе сидим с друзьями в ресторане и угощаемся местными устрицами, запивая холодным шампанским. Один из сотрапезников жалуется, что никак не может привыкнуть к вкусу устриц и его всегда немного подташнивает, когда он их глотает. Мы всё смеемся, и кто-то начинает вспоминать блюда, которые не может есть...

Оказалось, что буквально все за столом чего-то не любят, просто не переносят...

Я, полагая, что скоро придёт мой черёд сообщить нелюбимое блюдо, пытался представить его, но ничего в голове не всплывало... Я ем всё. «Кирза» с растительным маслом — да за милую душу! Манная каша с комками — запросто! Овсянка на воде — да хрен с ней! Поджаренные и висящие на вилке словно... «синенькие» — съём! Суп с плавающим недожаренным луком — никаких проблем!..

...А холодное шампанское, между тем, приятно покалывает язык...

